

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОПОВЕДЕЙ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА (ДРОЗДОВА)

В статье анализируются особенности состава коммуникантов и коммуникативного процесса в проповедях митрополита Филарета (Дроздова). Данная проблема представляет собой особый интерес для определения идиостиля знаменитого проповедника и структурных особенностей проповеди как жанра церковного красноречия.

Ключевые слова: *идиостиль проповедника, коммуникативный процесс, коммуникативные связи, риторика, церковное красноречие.*

В конце XX — начале XXI вв. актуальным направлением филологических исследований стало изучение проповеди как области религиозной коммуникации (С.В. Булавина, М. Войтак, И.М. Гольберг, К.А. Кузьмина, С.Н. Ипатова, Ф.Б. Людоговский, О.А. Прохвятилова, Е.Б. Рогачевская и др.). В данной статье на примере корпуса текстов проповедей митрополита Филарета (Дроздова), объединенных темой Великого пятка, анализируются особенности важных составляющих идиостиля проповедника: состав коммуникантов, коммуникативные связи в коммуникативном процессе проповеди.

Прежде всего следует отметить значение экстралингвистических факторов, определяющих особенности коммуникативных связей в проповедях митрополита Филарета (Дроздова). Как известно, одной из целей и форм внутренней аскетической практики монаха является непрерывное живое предстояние аскета живому Богу, и в данном случае слово Божие является коммуникативным средством в диалоге, а обращение к Богу всегда носит молитвенный характер богобощения.

Положение о том, что монашеское устройство ума митрополита Филарета (Дроздова), определяющее образ мышления и его мировоззрение, главным образом составляет основание его творчества, дает возможность определить особенности его идиостиля в области непосредственного коммуникативного процесса (далее НКП).

К.А. Кузьмина отмечает, что проповеди присущи как признак диалогичности, так и категория диалогизации, «проявляющаяся на всех уровнях языка: при активной роли ведущего коммуниканта (священнослужителя) речевые роли остальных коммуникантов (паствы) лимитированы статусностью произведения или ретранслируемы посредством священника (Бог)» [1: 9].

Вслед за К.А. Кузьминой мы используем следующие определения коммуникантов в НКП: супер-агнс — Бог в его словах, агнс — проповедник (активный говорящий), пациенс — паства, — и принимаем за основу описание особенностей коммуникативного процесса и внутрикоммуникативных отношений: «Присутствие агенса как активного (говорящего) коммуниканта обязательно; роль пациенсов фиксируется канонными статусными репликами («Аминь», «Спаси нас, Господи!»); роль супер-агенса состоит в том,

что Бог (а именно его слова) как абсолютный авторитет является не только предметом обсуждения, ссылки или комментария в той или иной степени (то есть участником внутреничного коммуникативного процесса), но и непосредственным коммуникантом. Без его «словесного» присутствия невозможен сам процесс создания проповеди как таковой... Такой набор коммуникантов, их речевого воплощения в проповеди, а также системы их взаимодействия уникален» [1: 21].

Материал проповедей митрополита Филарета свидетельствует о традиционном составе коммуникантов, но особом, присущем именно этому проповеднику, стиле их взаимодействий, о постоянном включении в процесс живого общения всех коммуникантов.

Для нашего исследования представляется необходимым ввести различие между Богом и словом Божиим как участниками коммуникативного процесса. Введем новую градацию двух субъектов НКП: первичный супер-агенса (Бог) и вторичный супер-агенса (слово Божие, тексты Священного Писания). Введение новой градации основано на широко известном в разных отраслях науки понятии панлогизма [2: 143] (термин, введенный В.П. Zubовым) творчества святителя Филарета: «Мировоззрение Филарета — логократия, или панлогизм, в том смысле, что всякое бытие есть слово, подражание Логосу. Слово поставило человека на лестнице творений выше всего земного, и выше луны и солнца; слово соединило людей в общества, создало города и царства; в слове живет и движется знание, мудрость, закон; словом образуется, поощряется и распространяется добродетель; слово в молитве восходит к Богу...» (цит. по [2: 143 — 144]).

На примере Слов 1806 — 1817 гг., объединенных темой Великого Пятка, можно проследить классический прием митрополита Филарета, составляющую его идиостилию, характерную для всего проповеднического творчества. Здесь наблюдается интенсивный процесс коммуникации, проводимый проповедником (агенса). Об этом свидетельствуют его постоянные обращения непосредственно к Богу (первичному супер-агенса), слову Священного Писания (вторичному супер-агенса) и пастве (пащенсу).

Обращение к первичному супер-агенса присутствует в проповедях в виде регулярных риторических обращений к Богу, с которых начинается развитие новой темы проповеди или завершается проповедь, например: «Но, о *Совершителю благодатного о нас смотрения!* не для всех ли человекoв Ты совершил его? Для чего-ж еще не все наслаждаются плодами Твоих подвигов?..» [3: 125]

и «*Совершителю нашего спасения!* соверши стопы наши во стезях Твоих. *Жизнь умершая!* оживи нас Тобою во веки» [3: 127].

Обращение к Богу носит значительно более разнообразный характер в отличие от обращения к пастве, с которой проповедник часто себя отождествляет, на что указывает употребление местоимений 1 лица множественного числа: *мы, нас* и т.д.

Обращение к пастве осуществляется посредством таких обращений, как «христиане»; реже — «слушатели», «христианин»; редко — «человек», единожды — «дщери нового Иерусалима, души христианские», что было связано как с эпитафией, так и с общей поэтикой и стилистикой Слова 1812 года.

Обобщающий характер обращения к пастве расширяет понятие адресата в проповедях митрополита Филарета (Дроздова) — это не только конкретная паства, присутствующая на богослужении, или читатели его проповедей, но и вся Церковь: «Известно, что ни в предметах, ни в стиле святитель не делал различий, говорил ли при этом перед царями

или обитателями тюремного замка, жителями провинциального городка или лаврскими монахами. Объяснение находим одно: он говорил *Церкви*. И его слово осталось с нами как *слово Церкви*, как раскрытие и *утверждение* живущей в ней *Истины*, иначе говоря – как ее, Церкви, *истинное и святое предание*» [4: 86]. Это предполагает введение в коммуникативные связи приоритетное понятие паиенса — Церковь.

Таким образом, в Словах в Великий пяток можно выделить следующие коммуникативные связи НКП:

1) первичный супер-агенса (Бог) — агенса (проповедник) – паиенса (паства: *христиане* / Церковь);

2) вторичный супер-агенса (слово Божие) — агенса (проповедник) — паиенса (паства: *христиане* / Церковь);

3) агенса (проповедник) — паиенса (паства: *христиане* / Церковь).

Вышеперечисленные виды связи позволяют проповеднику достичь желаемого результата — проповедь как форма и часть литургического богослужения реализует свое главное предназначение молитвенное общение Бога и Церкви.

Примеры из проповедей к трем видам НКП:

1. Первичный супер-агенса (Бог) — агенса (проповедник) – паиенса (паства: *христиане* / Церковь):

а) *наличие нулевого эпиграфа* [5] в Словах 1806 и 1813 гг.;

б) *наличие специальной синтаксической конструкции в зачине проповеди после эпиграфа, содержащего прямую речь Иисуса Христа* в Слове 1812 года;

в) *частые обращения проповедника (в том числе в форме восклицания или вопроса) к Богу как субъекту НКП: «О, Распятый!»* [3: 122] — дважды в Слове 1806 года и там же: «Совершитель благодатного о нас смотрения!» и «Господи» (церковно-славянская форма слова, звательный падеж); «Совершитель нашего спасения! Жизнь умершая!» и «Но я забываюсь. Я не пришел препираться с Тобою о любви Твоей, довольно уже препираемый и попираемый злобою, *Человеколюбец!*» [3: 170.].

Проповедь 1813 года содержит обращения к первичному супер-агенса: «Божественный Крестоносец» (форма русского языка, обращение), «*Боже наш! Боже наш! ...Ей, Господи!*» (звательный падеж церковно-славянской формы) и к паиенсу: «Христиане» и «О, человек».

2. Вторичный супер-агенса (слово Божие) — агенса (проповедник) – паиенса (паства: *христиане* / Церковь):

«Чего теперь ожидаете вы, слушатели, от *служителей слова? Нет более слова*» [3: 31] (в Слове 1813 года);

«После сего надобно ли *служителю слова* пролагать иной путь к вашему сердцу, как разве указать только на то, что уже видите в совершаемых ныне тайно действиях, и сказать словами пророка Исаии: *видите, како праведный погизбе?*» [3: 214];

«Кто бы ты ни был предстоящий здесь, хотя един Бог ведает твои дела; но, *поелику слово Божие сказует и о тебе*, также как и о всех прочих, *яко прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его* (Быт. VIII. 21); и *поелику ты не можешь не примечать, чаще или реже, исходящих от сердца твоего помышлений злых* (Мат. XV.

19); *то реки* Богу твоему **и ты со мною**: и я, Господи, виновен в том, что *взят от земли живот* Праведника твоего Иисуса! *От лица бо зла взяся праведный*» [3: 219].

3. Агнс (проповедник) — паиценс (паства: христиане / Церковь):

«После сего надобно ли служителю слова пролагать иной путь к вашему сердцу, как разве указать только на то, что уже видите в совершаемых ныне тайно действиях, и сказать словами пророка Исаии: *видите, како праведный погиге?*» [3: 214];

«Но почто *взываю я к миру?* Не подумали бы *слышание*, что сие до них и не касается? – Нет!» [3: 219];

«Да не будет, христиане, чтобы *мы* нашего Вождя воображали хотя на минуту побежденным, когда *видим* Его мучима или бездыханна» [3: 171].

Подводя итог анализу состава коммуникантов и особенностей коммуникативных связей в коммуникативном процессе в проповедях митрополита Филарета (Дроздова), можно сделать вывод о том, что данные тексты представляют особый интерес для дальнейших исследований проблематики проповеди как речевого жанра и содержат богатый материал для преподавания русского языка, литературы и риторики в высшей и средней школе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Кузьмина К.А.* Структурные и языковые особенности проповеди как речевого жанра: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кузьмина Ксения Алексеевна. — СПб., 2006. — 267 с.
2. *Зубов В.П.* Русские проповедники. М., 2001. — 232 с.
3. *Святитель Филарет, митрополит Московский.* Творения. Слова и речи: в 5 т. Т. 1. — М., 2003. — 303 с.
4. *Хондзинский Павел, иерей.* О богословии святителя Филарета, митрополита Московского // Филарет (Дроздов) свт. Избранные труды. Письма. Воспоминания. М.: ПСТГУ, 2003. — С. 56-86.
5. *Попова А.Т.* Эпиграф в композиционной структуре проповедей митрополита Филарета (Дроздова) // Международный Аспирантский Вестник. Русский язык за рубежом. М., 2012. — № 1. — С. 46-49.

Стаття надійшла до редакції 22.07.13

Попова А., аспірант,
Держ. ІРЯ імені О.С. Пушкіна, Москва, Росія

КОМУНІКАТИВНІ АСПЕКТИ ПРОПОВІДЕЙ МИТРОПОЛИТА ФІЛАРЕТА (ДРОЗДОВА)

У статті аналізуються особливості складу комунікантів та комунікативного процесу у проповідях митрополита Філарета (Дроздова). Дана проблема має особливий інтерес для визначення ідіостилю знаменитого проповідника та структурні особливості проповіді як жанру церковного красномовства.

Ключові слова: ідіостиль проповідника, комунікативні аспекти, комунікативні зв'язки, риторика, церковне красномовство.

Popova A., post-graduate,
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

THE COMMUNICATIVE ASPECTS OF THE HOMILIES BY METROPOLITAN FILARET (DROZDOV)

The peculiarities of composition of the communicants and communicative process in homilies by metropolitan Filaret (DrozdoV) are analyzed in this article. This problem presents particular interest for determining the idiostyle of the famous preacher and the structural features of the homilies as a genre of church eloquence.

Key words: *preacher's idiostyle, communicative process, communicative relations, rhetoric, church eloquence.*

УДК 821.161.1 – 24 «18»

Т. Старостенко, к. ф. н.,
ХНПУ имени Г.С. Сковороды, Харьков

ХРОНОТОПИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РОМАНА ДЖОРДЖА Р.Р. МАРТИНА «ИГРА ПРЕСТОЛОВ»

Статья посвящена исследованию пространственно-временной организации романа Джорджа Р.Р. Мартина «Игра престолов». Выявлены и проанализированы основные хромотопические модели, представленные в романе, определены их роль и место в структуре произведения.

Ключевые слова: *пространственно-временная организация, хромотопические модели, аномальный мир.*

Художественное пространство фэнтези весьма специфично. Если для любого другого литературного произведения, свободного от сказочно-мифологических структур, присуще, пусть и субъективно-авторское, отражение реального человеческого мира, то характер сюжета фэнтези обуславливает такие его хромотопические характеристики, которые являются недостижимыми для объективной действительности. Подобная особенность хромотопической организации художественных текстов, несущих в себе фантастический элемент, по мнению О.А. Костровой, «вынуждает автора приписывать им физические недостижимые («тридцатое царство», «стародавние времена»), либо заведомо вымышленные пространственно-временные координаты» [3: 2].

Изучая особенности хромотопа произведений вышеупомянутого жанра, О.А. Чигринская называет главную их поэтическую черту как «невозможный» хромотоп, создаваемый такими основными методами, как: утопия (невозможное место), ухтония (невозможное время) и узсквия (невозможная вещь в подчеркнуто реальном хромотопе) [7].

С точки зрения специфики взаимодействия в подобных произведениях моделей «условной действительности» и «actual or this, our world», как определяет земной мир

© Т. Старостенко, 2013